

Глава 1,
*которая начинается там,
где романы обычно заканчиваются*

Венчание г-на Робера Дарзака и м-ль Матильды Стейнджерсон состоялось 6 апреля 1895 года в Париже, в церкви Сен-Никола дю Шардонне, куда был приглашен лишь весьма узкий круг друзей. Прошло уже чуть более двух лет со времени событий, описанных мною в предыдущей книге, событий столь сенсационных, что не будет преувеличением сказать: за такой короткий срок даже парижане не забыли о знаменитой «Тайне Желтой комнаты». Она еще занимала многие умы, и, конечно, небольшая церковь оказалась бы переполнена желающими поглазеть на героев нашумевшей драмы, если бы церемония бракосочетания не проводилась тайно, что, впрочем, было несложно устроить в этом удаленном от густонаселенных кварталов приходе. Приглашены были лишь несколько друзей г-на Дарзака и профессора Стейнджерсона, на молчание которых можно было рассчитывать. Я принадлежал к их числу и приехал в церковь пораньше, поскольку хотел отыскать Жозефа Рультабийля. Не найдя его, я был несколько разочарован, хотя и не сомневался,

что он придет; чтобы скоротать время, я подошел к гг. Анри-Роберу и Андре Гессу, которые, стоя в тихом приделе Святого Карла, вполголоса вспоминали наиболее занятные эпизоды версальского процесса, пришедшие им на ум в связи с предстоящей церемонией. Я рассеянно слушал их и следил за происходящим вокруг.

Боже мой, до чего же убога эта церковь Сен-Никола дю Шардонне! Дряхлая, вся в трещинах, грязная, но это не благородная патина времени, которая лишь украшает камень, а крайняя нечистоплотность, свойственная кварталам Сен-Виктор и Бернардинцев, на границе которых она располагается; стоящая в столь неподобающем для нее окружении, эта церковь мрачна снаружи и уныла внутри. Небо, которое кажется в этом священном месте более далеким, чем где-либо, цедит скупой свет, изо всех сил старающийся пробиться к верующим сквозь вековую грязь на стеклах. Вы, разумеется, читали «Воспоминания детства и молодости» Ренана?* Тогда толкните дверь церкви Сен-Никола дю Шардонне, и вы поймете, почему хотелось умереть будущему автору «Жизни Иисуса», который жил взаперти совсем рядом, в маленькой семинарии, смежной с домом аббата Дюпанлу, и выходил сюда лишь помолиться. Вот в этом-то погребальном мраке, в этом окружении, созданном, казалось, лишь для отпевания усопших, и должно было проходить венчание Робера Дарзака и Матильды Стейнджерсон! Я усмотрел в этом недоброе предзнаменование и расстроился.

* Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) — французский писатель и философ.

Гг. Анри-Робер и Андре Гесс продолжали беседу: первый признался, что перестал тревожиться за Робера Дарзака и Матильду Стейнджерсон не после благополучного исхода версальского процесса, а лишь когда узнал из официальных источников о смерти их непримиримого недруга — Фредерика Ларсана. Многие, должно быть, помнят, что через несколько месяцев после того, как профессору Сорбонны вынесли оправдательный приговор, произошла ужасная катастрофа с трансатлантическим пакетботом «Дордонь», плававшим на линии Гавр — Нью-Йорк. Ночью, в тумане, неподалеку от Ньюфаундленда в «Дордонь» врезался трехмачтовый парусник и пропорол лайнеру борт в районе машинного отделения. Парусник остался на плаву, а «Дордонь» через десять минут затонула. Сесть в шлюпки успело лишь человек тридцать пассажиров, каюты которых находились на верхней палубе. На следующий день их подобрало рыболовное судно, возвращавшееся в Сен-Жан. В течение следующих дней океан выбросил сотни трупов, и среди них был Ларсан. Найденные в одежде трупа документы свидетельствовали, на этот раз неопровержимо, что Ларсан мертв. Наконец-то Матильда Стейнджерсон избавилась от своего фантастического супруга, с которым, благодаря мягкости американских законов, тайно связала свою судьбу в дни, когда была юна, безрассудна и доверчива. Этот опасный преступник, Балмейер, навсегда вписавший свое имя в анналы правосудия и женившийся когда-то на ней под именем Жана Руссея, никогда больше не встанет между нею и тем, кого она на протяжении стольких лет любила молчаливо и героически. В «Тайне Желтой комнаты» я подробно рассказал об этом деле, одном из самых

необычных в летописях суда; оно могло окончиться весьма трагически, если бы не вмешательство талантливого восемнадцатилетнего репортера Жозефа Рультабийля: он единственный распознал в знаменитом полицейском Фредерике Ларсане самого Балмейера. Случайная и, можно сказать, ниспосланная провидением смерть этого негодяя, похоже, положила конец цепочке драматических событий и была — следует это признать — не последней причиной быстрого выздоровления Матильды Стейнджерсон, чей рассудок помутился после таинственных ужасов в замке Гландье.

— Видите ли, друг мой, — втолковывал г-н Анри-Робер г-ну Андре Гессу, беспокойно осматривавшемуся по сторонам, — в жизни всегда нужно быть оптимистом. Все как-то устраивается, даже невзгоды мадемуазель Стейнджерсон... Но что вы все время оглядываетесь? Кого вы ищете? Ждете кого-нибудь?

— Да... Я жду Фредерика Ларсана! — ответил Андре Гесс.

Г-н Анри-Робер рассмеялся — негромко, насколько позволяли приличия, однако мне было не до смеха: я думал почти то же, что и г-н Гесс. Конечно, я был далек от того, чтобы предвидеть надвигающиеся на нас невероятные события, но теперь, когда я возвращаюсь мыслями к тем минутам и оставляю в стороне все, что узнал впоследствии, — об этом я, собственно, и постараюсь рассказать честно, постепенно открывая правду, как она открывалась и нам, — теперь мне вспоминается странная тревога, охватившая меня при мысли о Ларсане.

— Полноте, Сенклер! Вы же видите, что Гесс шутит, — заметив мое необычное состояние, воскликнул г-н Анри-Робер.

— Не знаю, не знаю, — отозвался я и по примеру Андре Гесса внимательно огляделся по сторонам. В самом деле: Ларсана, когда он еще звался Балмейером, столько раз считали погибшим, что в образе Ларсана он вполне мог воскреснуть еще раз.

— Смотрите-ка! А вот и Рультабийль! — продолжал г-н Анри-Робер. — Готов спорить, он чувствует себя поспокойнее, чем вы.

— А он бледен! — заметил г-н Андре Гесс.

Юный репортер подошел и довольно рассеянно пожал нам руки.

— Добрый день, Сенклер, добрый день, господа. Я не опоздал?

Мне показалось, что голос у него дрожит. Он тут же отошел в сторонку и, словно ребенок, преклонил колени на скамеечку для молитвы. Закрыв руками свое и в самом деле бледное лицо, он стал молиться.

Я понятия не имел, что Рультабийль набожен, поэтому его горячая молитва меня озадачила. Когда он поднял голову, глаза его были полны слез. Он их не прятал, его совершенно не занимало происходящее вокруг, он весь был погружен в молитву и, похоже, в печаль. Но почему печаль? Неужели его не радовал союз, которого все так желали? Разве счастье Робера Дарзака и Матильды Стейнджерсон не было делом его рук? Как знать, быть может, он плакал от счастья? Наконец он встал и скрылся в темноте за колонной. Я не осмелился последовать за ним, так как мне было ясно, что он хочет побыть один.

И тут в церковь под руку с отцом вошла Матильда Стейнджерсон. За ними шагал Робер Дарзак. Как они все изменились! Да, драма в Гландье оставила на всех

троих свой отпечаток. Но — удивительное дело! — Матильда Стейнджерсон стала еще прекрасней! Разумеется, она не была уже той блестящей женщиной, той ожившей мраморной статуей, той античной богиней, той холодной языческой красавицей, которая обычно сопровождала отца на официальных церемониях Третьей республики, — напротив, создавалось впечатление, что рок, заставивший ее столь тяжело расплатиться за ошибки молодости, вверг ее в отчаяние и временное помешательство лишь для того, чтобы она сбросила каменную маску, за которой скрывалась чрезвычайно нежная и тонкая душа. И теперь мне казалось, что овал ее лица, глаза, полные счастья и грусти, лоб, словно выточенный из слоновой кости, — все в ней излучает пленительное сияние души и говорит о любви к доброму и прекрасному.

Что же касается ее наряда, то тут я вынужден сознаться в собственной бестолковости: я не помню даже цвета платья. Однако я хорошо помню внезапно появившееся у нее странное выражение лица, когда она не увидела среди нас того, кого искала. И лишь заметив стоявшего за колонной Рультабийля, новобрачная успокоилась и полностью овладела собой. Она улыбнулась ему, и мы последовали ее примеру.

— А глаза-то у нее еще безумные!

Я резко обернулся, чтобы посмотреть, кто произнес эти недобрые слова. Позади меня стоял некий горемыка, которого Робер Дарзак взял из жалости в Сорбонну лаборантом. Звали его Бриньоль; он приходился Дарзаку какой-то дальней родней. Других его родственников мы не знали; приехал он откуда-то с юга. Отца и мать г-н Дарзак потерял уже давно, у него не было ни брата,

ни сестры, и он, казалось, порвал все связи с родным краем, откуда привез горячее желание добиться успеха, необычайную работоспособность, большой ум и вполне естественную потребность отдать кому-то свою преданность и любовь, которые и подарил профессору Стейнджерсону и его дочери. Привез он со своей родины, из Прованса, и мягкий выговор; сначала питомцы Сорбонны над ним посмеивались, но вскоре полюбили, словно приятную тихую музыку, немного скрашивающую неизбежную сухость лекций их молодого, но уже знаменитого учителя.

И вот прошлой весной, то есть около года назад, Робер Дарзак представил им Бриньоля. Тот приехал прямо из Экса, где работал лаборантом-физиком и совершил какой-то проступок, за что был вышвырнут на улицу, однако, вспомнив о своем родственнике, г-не Дарзаке, сел в парижский поезд и до такой степени разжалобил жениха Матильды Стейнджерсон, что тот взял его к себе в лабораторию. В то время здоровье Робера Дарзака оставляло желать лучшего. На нем сказались сильнейшие переживания, испытанные в Гландье и на суде, однако можно было надеяться, что выздоровление Матильды, которое уже не ставилось под сомнение, и перспектива скорого брака с нею окажут благотворное влияние на душевное, а значит, и физическое состояние профессора. Однако мы заметили обратное: с того дня, как Дарзак взял к себе этого Бриньоля, чья помощь, по его словам, должна была заметно облегчить ему работу, слабость профессора лишь увеличилась. К тому же Бриньоль оказался растяпой. Один за другим в лаборатории произошли два несчастных случая, причем при проведении совершенно безопас-

ных опытов. В первый раз неожиданно взорвалась гейслерова трубка, осколки которой могли серьезно ранить г-на Дарзака, но угодили в самого Бриньоля — у него на руках до сих пор осталось несколько шрамов. Во второй раз дело могло закончиться гораздо хуже: взорвалась маленькая бензиновая горелка, над которой как раз наклонился г-н Дарзак. Ему чуть не обожгло все лицо, но, по счастью, обгорели только ресницы, да на какое-то время ухудшилось зрение, так что он с трудом мог выносить яркий солнечный свет.

После таинственных происшествий в Гландье я находился в таком состоянии, что склонен был считать необыкновенными самые заурядные события. Когда произошло последнее несчастье, я как раз зашел к г-ну Дарзаку в Сорбонну. Я сам отвел нашего друга к аптекарю, а оттуда к врачу и довольно сухо попросил Бриньоля оставаться на месте, хотя тот порывался идти с нами. По дороге г-н Дарзак поинтересовался, почему я был так резок с беднягой Бриньолем; я ответил, что мне вообще не нравятся его манеры и к тому же я считаю его виновным в этом несчастном случае. Г-н Дарзак спросил, почему я так думаю, но я не нашелся что ответить, и он рассмеялся. Однако когда врач сказал ему, что он мог потерять зрение и только чудом отделался так легко, смеяться он перестал.

Конечно, недоверие, которое внушал мне Бриньоля, выглядело смешно, да и несчастные случаи больше не повторялись. И тем не менее я был настроен против него и в глубине души винил его в том, что здоровье г-на Дарзака не улучшалось. В начале зимы профессор начал кашлять, и мы все стали уговаривать его взять отпуск и отправиться отдохнуть на юг. Врачи советовали